

НАСТУПЛЕНИЕ НА КРЕСТЬЯНСТВО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ДЕРЕВНЕ В 30-е ГОДЫ

Людмила Ивановна ПРОСКУРИНА,
кандидат исторических наук

Летом 1929 г. сталинское руководство страны приступило к проведению «сплошной коллективизации» крестьянских хозяйств, главной задачей которой были ликвидация мелкотоварного крестьянского хозяйства и создание обобщественного крестьянского производства.

В советской историографии утвердился вывод о том, что к концу 20-х годов крестьянское хозяйство полностью себя исчерпало. Анализ общей направленности и темпов развития сельского хозяйства в период нэпа показывает полную несостоятельность этого положения. Возможности поступательного развития крестьянской экономики на базе нэпа были далеко не исчерпаны, а возникшая негативная тенденция, особенно хлебозаготовительный кризис в 1928 — 1929 гг., были связаны с политикой наступления властей прежде всего на зажиточную часть крестьян, самых состоятельных и предприимчивых.

Сталин предложил путем «революции сверху» обеспечить в деревне к концу пятилетки переход к колхозам, а все другие возможности выхода из кризиса — «бухаринская», «чаяновская», «первого пятилетнего плана» — были отброшены. Перевод сельского хозяйства на путь крупного обобщественного производства стал рассматриваться как единственное средство решения хлебной проблемы в возможно короткие сроки. Выбор состоялся, и начался новый виток насилий над крестьянством, еще более жестоких и пагубных.

Накануне проведения массовой коллективизации дальневосточная деревня заметно отличалась от села европейской части страны сравнительно высоким процентом зажиточных хозяйств, значительным удельным весом наемного труда в сельском хозяйстве, наличием корейского населения, связью крестьян с белыми, находившимися в Маньчжурии. Старожилы и казаки продолжали сохранять в своих руках излишки земли и социализмом не бредили.

Сплошная коллективизация на российском Дальнем Востоке началась несколько позже, чем в центральных районах страны. В январе 1930 г. 26 районов были объявлены районами сплошной коллективизации. По указанию центральных партийно-государственных органов местные власти были обязаны форсировать ее любой ценой, несмотря на то, что Дальний Восток был отнесен к третьей группе незерновых районов, и срок завершения коллективизации отодвигался до весны 1933 г. И власти старались изо всех сил, не стесняясь в средствах. За отказ вступить в колхоз крестьянам угрожали раскула-

чиванием, лишением избирательных прав, выселением, отказом выдачи дефицитных товаров и т. д. Близость границы усиливала тревогу местных властей. Кроме того приграничные районы Дальневосточного края были заселены в основном зажиточными крестьянами и бывшими казаками, которые особенно активно выступали против сплошной коллективизации.

Насилие и произвол приняли повсеместный характер. В период хлебозаготовительной кампании 1929/30 гг. у части крестьян были отняты последние припасы. С ноября 1929 г. по конец января 1930 г. через окружные суды прошло 2 111 дел, из них — по Владивостокскому округу — 627, Амурскому — 673, Сретенскому — 412, Читинскому — 378 и Хабаровскому округу — 21, из которых по статье 61 УК было рассмотрено 1 344 дела, осуждены 2 448 крестьян, в том числе 2 394 кулаков и зажиточных¹.

Под давлением властей значительная часть дальневосточного крестьянства вынуждена была вступить в колхозы. Темпы коллективизации приняли непомерно форсированный характер: с января по апрель 1930 г. уровень ее возрос с 8,8 до 45 %. В отдельных округах рост происходил еще быстрее: в Сретенском с 9,2 до 71,3 %, в Читинском — с 5,6 до 54,8, в Амурском — с 8,5 до 46 %².

Отрицательно сказалось на колхозном движении в крае создание колхозов-«гигантов», перескакивание через сельхозартель к коммуне, являвшейся, по мнению некоторых партийных руководителей, лучшей формой объединения крестьян. Так, в Шкотовском районе был провозглашен призыв «Девять долин — девять коммун». На 30 марта 1930 г. в районе не было ни одного ТОЗа, (только одна артель), но зато имелось десять коммун, которые оказались экономически слабыми и вскоре распались. С октября 1929 г. по апрель 1930 г. число коммун в крае возросло в 3,5 раза. К середине 1930 г. они составляли 30 % от всех объединений. По некоторым округам процент коммун был значительно выше: по Читинскому — 61,4 %, по Сретенскому — 65,3 %. К апрелю 1930 г. в Дальневосточном крае было создано 108 крупных колхозов-гигантов, которые объединяли 32 350 крестьянских хозяйств³.

При вступлении в колхоз принудительно обобществляли у членов артели мелкий скот, птицу, коров. Кулаки, уничтожая и продавая скот, стремились превратиться в середняков. С 1928 г. по 1932 г. в колхозно-крестьянском секторе Дальневосточного края количество крупного рогатого скота сократилось на 53,3 %, овец и коз — на 77,2 %, свиней — на 66,1 %⁴. Крестьяне успели уничтожить огромную часть производительных сил. Размеры материального ущерба на Дальнем Востоке были значительно больше, чем в других районах страны.

Большую роль в проведении коллективизации в Дальневосточном крае играло создание красноармейских колхозов. Так как значительная часть дальневосточного крестьянства сопротивлялась коллективизации, центральные власти, чтобы ускорить этот процесс в крае, с конца 1929 г. приступили к переселению сюда демобилизованных красноармейцев и их семей в групповом порядке. Сельское население враждебно относилось к красноармейцам, приезжих запугивали голодом, плохими климатическими условиями. Создаваемые красноармейские колхозы являлись опорой местных партийно-советских органов в проведении насильственной коллективизации и раскулачивания. К весне 1930 г. в крае было создано 11 красноармейских коммун, отличавшихся гигантскими размерами, но к концу года они были разукрупнены. Большинство из них располагалось во Владивостокском округе — 6 коммун, в Хабаровском — 2, в Амурском — 3 коммуны. В последующие годы власти продолжали укреплять красноармейские колхозы, и в 1932 г. на Дальнем Востоке действовали уже 42 колхоза, включавших 28 251 хозяйство, в том числе 6 106 хозяйств демобилизованных воинов⁵.

Начавшаяся массовая коллективизация крестьянских хозяйств в крае создала напряженную обстановку в деревне. Наиболее зажиточные крестьяне

оказывали яростное сопротивление властям. Методы сопротивления были самые разнообразные, начиная от агитации и кончая убийством коммунистов, колхозных активистов, избиениями и поджогом их имущества. Попытки запрятать зерно с риском сгноить хлеб были отмечены почти во всех округах. Происходили искусственные самораскулачивания, фиктивные разделы хозяйств. В ряде сел Амурского округа некоторые зажиточные крестьяне распродали свое имущество и уехали за пределы Дальнего Востока, мотивируя это тем, что крепким крестьянским хозяйствам жить стало невозможно. Аналогичные случаи распродажи имущества и скота были отмечены во многих селах Читинского, Сретенского и Владивостокского округов⁶.

Любой факт защиты крестьянами своей собственности, права выжить для своей семьи тут же квалифицировался как «вылазка классового врага». Антикрестьянская сталинская политика толкала разоряемых на путь вооруженной борьбы. Так, в некоторых местах края крестьяне уходили в тайгу, в сопки и создавали там вооруженные отряды, в которых были не только зажиточные крестьяне, но даже середняки и бедняки, бывшие партизаны⁷. В обстановке тотального игнорирования экономических законов и интересов различных слоев земледельцев крестьянское сопротивление было неизбежным.

В феврале 1930 г. в стране начинается кампания по ликвидации кулачества как класса. Она явилась удобным оправданием санкций, направленных против той массы крестьянства, которая наиболее решительно противостояла коллективизации.

Еще 21 мая 1929 г. СНК СССР принял постановление «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде»⁸. Постановлением предусматривалось, что к кулацким хозяйствам относятся все крестьянские хозяйства, обладавшие одним из следующих пяти признаков: а) применение систематического наемного труда; б) наличие мельниц, маслобоек, крупорушек, других промышленных предприятий; в) систематическая сдача внаем сложного сельскохозяйственного инвентаря; г) сдача внаем помещений; д) члены хозяйства, занимавшиеся торговлей, ростовщичеством или имевшие другие нетрудовые доходы. К одному из пяти признаков можно было отнести чуть ли не каждый третий крестьянский двор в стране. Определить в такой ситуации, где начинали проявляться эксплуататорские тенденции, было чрезвычайно затруднительно. Принятое постановление не только не прояснило, а, наоборот, усугубило проблему и привело к всплеску протестов крестьян.

В соответствии с этим постановлением 8 января 1930 г. Далькрайисполком принял документ, по которому определялись кулацкие хозяйства в крае по следующим признакам:

- систематически применяющие наемный труд для сельхозработ;
- имевшие мельницу или любое промышленное предприятие с механическим двигателем;
- систематически сдававшие внаем сложные сельхозмашины с механическим двигателем, помещения под жилье или предприятия;
- занимавшиеся торговлей или ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имевшие доходы (в том числе служители культа);
- имевшие 8 голов крупного и 30 мелкого скота;
- имевшие не менее трех молочных коров в хозяйстве, расположенном от города на расстоянии 35 км по железным дорогам и водным путям сообщения, и 15 км по грунтовым дорогам;
- при найме батрака не менее чем на 30 человеко-дней⁹.

Перечень этих признаков оказался столь широким, что в число кулацких хозяйств вошли бедняцкие, которые нанимали рабочую силу, арендовали пашню, сдавали внаем средства производства. Поэтому вводился еще один крите-

рий — размер облагаемого дохода: в Амурском округе он был выше, чем где-либо на Дальнем Востоке, но ниже, чем в СССР: более 200 руб. на едока, но не менее 1250 руб. на хозяйство (по стране соответственно — 300 и 1500 руб.)¹⁰.

Во второй половине февраля 1930 г. округа получили директиву Далькрайкома ВКП (б) от 18 февраля с разъяснением этапов и методов проведения ликвидации кулачества. Для руководства работой по раскулачиванию и высылке кулаков были созданы краевая и окружная комиссии при исполкомах. В районах образовали тройки и выделили уполномоченных ОКИК. В состав краевой комиссии вошли: председатель — заместитель председателя крайисполкома, члены — зав. орготделом крайисполкома, зам. полномочного представителя ОГПУ по ДВК, зам. заведующего краевым земельным управлением, зам. краевого прокурора и заведующий краевым отделом труда¹¹.

На советском Дальнем Востоке, как и по всей стране, всех кулаков разделили на три категории, к которым применяли различные меры воздействия. К первой категории относились явно контрреволюционные элементы, организаторы и участники антисоветских мятежей, террористических актов. Они подлежали аресту и суду с конфискацией имущества. Решения об аресте кулаков первой категории, заключении их в тюрьмы и лагеря принимали органы ОГПУ. Наиболее крупные кулацкие хозяйства были отнесены ко второй категории. Их хозяева подлежали высылке из районов сплошной коллективизации в северные малонаселенные районы края. Все остальные кулацкие хозяйства, составлявшие, кстати, не менее двух третей их общего числа расселялись за пределами колхозных массивов. Для ведения хозяйства им оставляли минимально необходимые средства производства. Общее число раскулаченных не должно было превышать для зерновых районов 3—5 % от общего числа сельских жителей. Раскулачивание проводили уполномоченные по коллективизации, представители милиции и ОГПУ, сельские партийные организации и часть бедноты.

В органах власти не сложилось единого мнения в определении границ между слоями крестьянства, в определении кулацкого хозяйства, это открывало широкий простор для произвола. Крестьянин в повседневной жизни постоянно сталкивался с неспособностью властных структур отделить кулака от крестьянина-середняка. Местные специальные комиссии по своему разумению определяли кулаков и «подкулачников». Немало было при этом и случаев сведения личных счетов. Даже большие семьи, создававшие своим трудом и разумным ведением хозяйства материальный достаток, объявлялись кулацкими. Лозунг о ликвидации кулачества служил удобным оправданием санкций, направленных против всей массы крестьян, которая наиболее решительно противостояла сталинской коллективизации. Раскулачивание превращалось в средство коллективизации, становилось основным методом ускорения ее темпов.

Насильственная коллективизация и раскулачивание стали возможными благодаря не только мощи государства и созданной командно-административной системе, но и наличию в деревне социальной силы, поддерживавшей власть. Некоторые слои населения — батраки, бедняки, а также низовой партийный и советский актив — стали опорой политического экстремизма.

В большинстве именно они были непосредственными инициаторами и исполнителями необоснованного раскулачивания, создания коммун, применения принудительных мер по отношению к колебавшимся. Некоторые искренне верили в идею коллективизации и считали, что с созданием колхозов будет решена хлебная проблема и обеспечена зажиточная жизнь и что иного пути просто нет. Именно эта часть крестьянства была оторвана идеологически, психологически, экономически и организационно от зажиточно-середняцких слоев и тяготела к взаимодействию с государством. Так, крестьяне-бедняки сел Кремово, Полтавка, Синельниково, Хвалынка, Русаковка и др. приняли реше-

ние конфисковать имущество кулаков и передать его в колхоз, а самих кулаков выслать в отдаленные районы края¹². На поддержку таких крестьян и рассчитывал Сталин, делая ставку на форсирование массовой коллективизации. И этот расчет во многом оправдался.

Основная работа по раскулачиванию в Дальневосточном крае развернулась с конца февраля 1930 г. Было определено к высылке около 3,5 тыс. семей кулаков: в Амурском округе — 496, в Зейском — 467, в т. ч. семей 1-й категории — 227, 2-й категории — 190 и 50 — 3-й категории; в Читинском округе — 855 семей, во Владивостокском — 583, из них 1-й категории — 223 семьи, 2-й категории — 253, 3-й — 107.

Постановлением комиссии крайисполкома от 2 марта 1930 г. и директивой краевого исполнительного комитета от 23 апреля были установлены участки, куда предполагалось выселение семей второй и первой категорий и их трудоустройство. В Зейский округ планировалось выселить 5 000 чел. по р. Зее в район с. Дамбуки на участки колонизационного фонда и в районы приисков «Зеязолото», 500 чел. — в устье р. Нора, и 5 500 чел. — по течению р. Селемджи до слияния с р. Норой у с. Стойба. Всего в Зейском округе было подготовлено участков на 11 000 чел. Туда выселялись кулаки Читинского, Сретенского и Зейского округов. Кулаков Владивостокского, Амурского и Хабаровского округов намечалось отправить в Николаевский-на-Амуре округ на лесоразработки и золотые прииски. Планировалось расселить на прииски «Союззолото» и на лесоразработки «Дальлеса» 9 000 чел.: 3 000 чел. — по течению р. Амгунь, около селения Керби, и 6 000 чел. в Верхне-Михайловский район. Кроме того, крестьян обязывали заниматься огородничеством, животноводством, а по рекам — и рыболовством. В поселках должны были проживать не более ста семей (500 чел.), а поселения находиться на расстоянии не ближе 10 км друг от друга¹³.

Все кулацкие семейства 3-й категории, расселяемые за пределами колхозных участков и 22 км погранполосы, устраивались отдельными поселками на специально отведенных им земельных участках в пределах этих же районов. Поселки образовывались не более чем из 50 семей, каждый на расстоянии друг от друга не менее 15 км, от железной дороги и ближайшего населенного пункта не менее чем на 20 км. Трудоспособное население поселков использовалось на лесозаготовках, золотых приисках и строительстве мостов. Крестьяне осваивали необжитые земельные участки, обрабатывали их и занимались сельским хозяйством. Общее руководство, управление, разрешение вопросов внутренней жизни поселенцев возлагалось на председателя ближайшего к поселку сельсовета. В отдельных случаях допускалось назначение на эту работу специального уполномоченного, его кандидатура предварительно согласовывалась с местными органами ОГПУ. Для выполнения всех указаний властей и сельсоветов из состава расселенных крестьян назначалась тройка, а там, где спецпоселки состояли из 25 семей и менее, были только уполномоченные¹⁴.

Из-за невозможности доставить раскулаченных в зимнее время на намеченные участки была дана директива, согласованная с центральными органами, о расселении кулаков всех категорий за пределы колхозов. Внутри округов из районов и селений расселение поселками кулацких семей было незначительным, в основном их отправляли в худшие избы на окраину села. В Амурском округе 419 раскулаченных семей всех категорий были переселены на окраины сел. В Свободном районе Зейского округа 22 семьи кулаков отправили в другие села этого же района. В Посьетском и Покровском районах Владивостокского округа подобным образом были высланы 49 семей¹⁵.

Проведение таких операций внутри селений и районов Дальнего Востока создавало напряженную обстановку в деревне. Озлобленные крестьяне угрожали расправой всем, кто проводил выселение, в том числе тем беднякам-колхозникам,

которым отдавали их дома. Бедняки-колхозники повсеместно ставили вопрос о безусловной отправке кулаков за пределы селений и даже районов.

Местные власти «усилили» работу по раскулачиванию. По отдельным селам раскулачили от 10 до 23 % крестьянских хозяйств, в том числе середняцких, бедняцких и даже хозяйств бывших партизан и красноармейцев. Например, в 17 селах Шкотовского района было 155 случаев экспроприации середняцких и бедняцких хозяйств за отказ вступить в колхоз. Конфискованное имущество, как правило, продавалось по баснословно низким ценам. В Сучанском районе — бывшей базе партизан — раскулачили 240 хозяйств, в Гродековском — 300, в Спасском — 378 хозяйств, в значительной своей части относившихся к середняцким¹⁶.

Под нажимом властей стали объединяться в колхозы проживавшие в крае корейские крестьяне. Часть из них была раскулачена. Массовые обыски, групповые аресты, реквизиция хозяйств привели к уходу корейцев из края за границу. По отдельным районам бегство корейского населения приняло большой размах. Так, в Сучанском и Шкотовском районах ушло до 60 % корейцев, в Гродековском — 50 %, в Черниговском — 45 % и т. д.¹⁷

Столь широкое применение репрессий против крестьян, злоупотребление властью накалили социально-политическую атмосферу в деревне. Только с января до середины 1930 г. в стране произошло более 2 тыс. крестьянских восстаний, в подавлении которых участвовали органы ОГПУ, армия и даже авиация. В феврале этого же года в Дальневосточном крае отмечалось 12 антиколхозных выступлений с 1300 участниками¹⁸. В Читинском округе 3 марта 1930 г. вспыхнуло восстание в с. Малета, в нем участвовали более 400 крестьян, но до 12 марта власти подавили его. 12 апреля 1930 г. начался Зейский мятеж. В с. Удытикан восставшие продержались до 22 сентября¹⁹.

Под давлением крестьянского сопротивления и нарастающей угрозы полного развала сельского хозяйства сталинское руководство приняло меры, направленные против принуждения крестьян вступать в колхозы. Местные власти были вынуждены разрешить массовые выходы, насильственно загнанных в колхозы, чтобы не довести дело до открытой крестьянской войны. За один месяц, с апреля по май 1930 г. число коллективных хозяйств на советском Дальнем Востоке уменьшилось с 45 до 26 %.

В летний период 1930 г. было принято и рассмотрено свыше 6 тыс. жалоб крестьян на незаконное раскулачивание. Жалобы рассматривались как в аппаратах прокуратуры, так и на местах. За март — июль работники прокуратуры около 60 раз выезжали в деревню, причем только работники краевого аппарата рассмотрели на местах 935 жалоб, одновременно опротестовав более 100 незаконных постановлений местных органов власти. В результате ряд середняцких хозяйств был восстановлен. Прокуратуре пришлось привлечь к ответственности некоторых работников низового советского аппарата, допустивших раскулачивание середняцких хозяйств. В отдельных районах имели место случаи сопротивления действиям прокуратуры²⁰. В деревне наступило кратковременное «затишье», растерявшиеся организаторы коллективизации не решались на ее новый штурм. Однако Сталина и его сторонников, разумеется, не могли удовлетворить ни спад, ни застой коллективизации, ни отказ местных руководителей от ее дальнейшего подталкивания.

С осени 1930 г. вопреки всем постановлениям началось новое форсирование коллективизации, новое наступление на крестьянство. Насильственные меры по-прежнему были основными, решающими. Общие итоги раскулачивания и депортации 1930 г. оказались весьма внушительными. В Дальневосточном крае ликвидировали 3 937 хозяйств. Высылке по второй и третьей категории подверглись 537 семей²¹. В то же время из Украины, Белоруссии, центральных районов страны было сослано в ДВК и на рудники Алдана 4 083 семьи

(21 381 чел.). Дальневосточный край, как и Сибирь, к концу 1930 г. превратился в зону небывалой крестьянской ссылки. Здесь сосредоточивалось 156 339 так называемых кулаков — почти треть всех сосланных по стране. Больше было только в Северном крае²².

Коллективизация крестьянских хозяйств продолжалась и в 1931 г. За год количество объединенных хозяйств увеличилось более чем в два раза. Последнее слово всегда оставалось за факторами принуждения: ужесточилось налоговое бремя на единоличников, не желавших вступать в колхоз, а главное — по-прежнему практиковалось раскулачивание. Так, в Шкотовском районе с сентября 1930 г. по март 1931 г. из 2 266 хозяйств района было выселено 143 хозяйства (6,3 %), а в отдельных селах раскулаченных было еще больше: с. Романовке — 10,7 %, в Царевке — 18,3, в Многоудобном — 9 %. Среди сельских жителей шли разговоры о том, что выселяют всех — и зажиточных крестьян, и середняков, и даже бедняков. Целые села ждали по ночам выселения, готовили сухари, одежду, резали мелкий скот²³.

Вторая кампания по выселению крестьян уже прямо называлась операцией и проводилась по строго разработанному плану. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что власти основательно к ней готовились. Подтверждением этому служит «план операции выселения кулаков из села Богуславка Гродековского района 28 июля 1931 г.»²⁴. В 3 часа ночи планировалось созвать партийно-комсомольское собрание, за организацию которого отвечал зам. секретаря организации ВКП (б), в 5 часов утра — совещание бедных колхозников из числа красноармейцев. Выход на операцию намечался на 6 часов утра. В целях быстрейшего проведения акции создавались 3 тройки, которые должны были выселять крестьян из домов. Понадобились 3 подводы к 6 час. 30 мин. ко дворам выселяемых кулаков. Для их конвоирования на сборном пункте выделялась вооруженная охрана из 8 чел.

29 июля 1931 г. ДКИК принял решение завершить ликвидацию кулачества в крае. В сентябре власти приступили к заключительному этапу выселения, намереваясь устранить всех кулаков, сбежавших из деревни или проникших в колхозы²⁵. В 1930—1931 гг. в Дальневосточном крае были высланы 2 922 кулацкие семьи 2-й категории и семьи кулаков, отданных под суд²⁶. Общее число раскулаченных в крае составило более 5 тыс. семей, выслали их в основном на север края, в лесозаготовительные лагеря, на различные стройки, золотые прииски, шахты. Некоторые из них попали в Сибирь, на Урал, в Казахстан²⁷. Необходимо отметить, что массовое насильственное выселение крестьян в отдаленные районы прекратилось в целом по стране к концу первой пятилетки, а на Дальнем Востоке продолжалось более длительное время.

В 1932 — 1933 гг. трагические события разыгрались на севере Приморья на территории Верхнего Бикина, в пос. Улунге, где проживало старообрядческое население²⁸. В 1932 г. в Улунге появился вооруженный отряд представителей власти и силой стал объединять все хозяйства в колхоз. Крестьяне в страхе разбежались и укрылись в тайге. Было спровоцировано вооруженное сопротивление сельского населения. Беженцев превратили в «мятежных бандитов» и «врагов народа». Борьба с восставшими затянулась на период более двух лет. Стихийное выступление населения охватило 75 населенных пунктов на протяжении 450 км от бухты Самарги до бухты Ольги. В ходе восстания выдвигались лозунги «Долой советскую власть», «Долой коммунистов, долой твердые задания и раскулачивание крестьян». Во главе народного движения находились Кирилл Давыдов, Моисей Куликов, Терентий Шарыпов — главы общин староверов. В результате вооруженного насилия со стороны органов ОГПУ выступление было жестоко подавлено. Сдавшихся или взятых в плен крестьян судили военным трибуналом, приговор — высшая мера наказания. В 1933 г. выслали все семьи повстанцев, некоторые из них попали в спецпосе-

лок Свободный Амурской области. За зиму опустевшие избы Улунги заполнились ссыльными с Амура.

Из-за раскулачивания и репрессий, бегства крестьян за границу, самоликвидации крестьянских хозяйств и ухода в город на промышленные предприятия, транспорт; в результате паспортизации и выселения «враждебных элементов» заметно уменьшилось сельское население Дальнего Востока, особенно в старожильческих районах и пограничных зонах. Так, население Молотовского района за период с 1933 по 1937 г. сократилось в три раза, Гродековского — более чем в 2,5 раза и Хорольского — на 20 %²⁹.

Сокращение населения особенно характерно было для Тамбовского района, как старожильческого, с высоким удельным весом зажиточных хозяйств. За три года (1931—1933 гг.) население уменьшилось на 28 959 чел., т. е. более чем на половину (57 %). Кроме того, сократилось население таких старых районов земледелия, как Ивановского, Михайловского, Благовещенского, а в Куйбышевском и Кагановичском районах за 4 года (1930—1934 гг.) оно уменьшилось в 2,5 раза³⁰.

К концу второй пятилетки коллективизация на Дальнем Востоке завершилась, в колхозы было объединено 94,7 % крестьянских хозяйств и 99,5 % посевных площадей, всего насчитывалось 1 198 колхозов. Насильственная коллективизация и раскулачивание в дальневосточной деревне привели к пагубным социально-экономическим и демографическим последствиям. Произошло падение сельскохозяйственного производства, и темпы развития сельского хозяйства на протяжении нескольких десятилетий были низкими, не отвечали потребностям региона. Индивидуальные хозяйства старожил, новоселов и бывших казаков, хозяйства наиболее сильных предприимчивых крестьян оказались разоренными. Крестьянство как класс самостоятельных производителей было ликвидировано и весь уклад деревенской жизни разрушен. Судьбы многих тысяч дальневосточных крестьян были исковерканы несправедливым осуждением, тюрьмой, лагерями, высылкой.

¹ ГАХК. Ф.П-2. Оп.4. Д.173. Л.13.

² Колхозы Дальнего Востока. Хабаровск, 1930. С.18.

³ Материалы к отчету краевого комитета ВКП (б). Хабаровск, 1930. С.131.

⁴ Материалы к отчету краевого комитета ВКП (б). Хабаровск, 1934. С.59; ГАРХ. Ф.П-2. Оп.2—4. Д.69. Л.9.

⁵ ГАХК. Ф.724. Оп.1. Д.17. Л.59—60; РГИА ДВ. Ф.2441. Оп.5. Д.19. Л.31; Билим Н.А. Из истории участия демобилизованных в колхозном строительстве на Дальнем Востоке в годы предвоенных пятилеток // Учен. зап. Хабаровского гос. пед. института. Хабаровск, 1970. Т.28. Ч.1 (сер: история). С.47.

⁶ ГАРХ. Ф.П-2. Оп.1. Д.237. Л.4.

⁷ ГАХК. Ф.П-2, Оп.2—4. Д.169. Л.82

⁸ Солопов А. Кого считать кулаком в 1924—1925 годах? // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С.99—100.

⁹ Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне (1930—1934 гг.). Благовещенск, 1999. С.10.

¹⁰ Там же. С.11.

¹¹ ГАХК. Ф.1228. Оп.1. Д.162. Л.8.

¹² Красное знамя. Владивосток, 1930. 16 марта.

¹³ ГАРХ. Ф.1228. Оп.1. Д.162. Л.8—9.

¹⁴ Там же. Д.164. Л.66.

¹⁵ Там же. Д.162. Л.11.

¹⁶ РГАЭ. Ф.7486. Оп.2. Д.290. Л.43.

¹⁷ ГАХК. Ф.П-2. Оп.2—4. Д.169. Л.78—79; Оп.1. Д.226. Л.24.

¹⁸ Шишко Н.П. Борьба Дальневосточной краевой партийной организации за победу линии партии на сплошную коллективизацию и укрепление колхозного строя (1929—1932 гг.) // Учен. зап. ДВГУ. Т.7. Сер. обществ. наук. Владивосток, 1965. С.89.

¹⁹ Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1996. 29 июня.

²⁰ ГАХК. Ф. 137. Оп.3. Д.48. Л.118 об.

-
- ²¹ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. Новосибирск, 1997. С.43.
- ²² Там же.
- ²³ ГАХК. Ф.П-2. Оп.1. Д.299. Л.11.
- ²⁴ ГАПК. Ф.179. Оп.4. Д.38. Л.82.
- ²⁵ Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне. С.19.
- ²⁶ Земсков В.И. Спецпоселенцы (по данным НКВД МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 4.
- ²⁷ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 290. Л. 77—78; Сутурин А. Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С. 9.
- ²⁸ Уссурийский казачий вестник. 1992. № 5. Август. (Боевая вахта. Владивосток, 1992. № 200.)
- ²⁹ ГАХК. Ф.359. Оп.9. Д.34. Л.244; Д.46. Л.161.
- ³⁰ Там же. Л.245.

SUMMARY. «Pressure on Peasantry» — this is the title of the article written by Candidate of Historical Sciences Liudmila Proskurina. The author makes a conclusion that forcible collectivization and taking property from well-to-do peasants of the Far-Eastern village led to disastrous results in social-economical and demographic aspects.

During this period of time fates of many residents of the Russian Far East were ruined by prisons, camps and exile.

Such was the picture of Stalin's collectivization.